

расстояния в этой стране и значительное количество свободного времени, которое у него оставалось, можно предположить, что какая-то часть немецких и швейцарских впечатлений могла быть записана, может быть, не в окончательном, готовом, виде. Именно в Швейцарии мог Карамзин уделить достаточно внимания созданию необходимой ему иллюзии подлинности эпистолярной природы своих писем.

Отсюда старательное распределение материала по датам. Оно, кроме всего, способствовало созданию у читателей необходимой автору иллюзии подлинных писем.

Еще одна особенность этой, условно половины, писем — это иллюзия действительного писания по свежим впечатлениям, почти на ходу. То он пишет 1 июня 1789 г.: «Еще не успел я окончить письма к вам <...> надобно было дописать письмо» (10), то объясняет 3/14 июня: «Завтра <...> отправлю к вам это письмо» (13); то сообщает (17 июня 1789 г.), что «решил написать к вам несколько строк» и отмечает, что делается это в 11 часов ночи! Иногда (19 июня) удивляется своему многописанию, «уже с лишком две страницы <...> чего не напишешь в минуты бессонницы» (19). Иногда обстановка облегчает переписку: «Теперь мы в Мариенбурге, где я имел время написать к вам столько страниц» (26).

Постепенно указания на обстоятельства писания исчезают, но, что очень важно отметить, все немецкие и швейцарские письма датированы, а письма без даты помещены так, что их датировка проясняется из предшествующих или последующих писем.

Таким образом, наше предположение о том, что значительная часть «Писем» была написана еще до возвращения в Россию, подтверждается тем обстоятельством, что помещая в каждой части журнала (кроме февральского и октябрьского за 1792 г.) значительные куски «Писем», Карамзин не мог бы физически справиться с поставкой материалов для журнала, если бы у него не были в запасе разной степени готовности «Письма». На них журнал опирался, «Письма» составляли как бы фундамент, на котором Карамзин мог строить журнал из привлекаемого дополнительно материала, преимущественно собственного и только отчасти доставляемого другими сотрудниками.

Обратимся теперь к дневнику Вольцогена: он дает возможность внести некоторую дополнительную ясность в творческую историю «Писем русского путешественника», с одной стороны, с другой — этот дневник, несмотря на скупость его записей о Карамзине, дает возможность уточнить время его пребывания в Париже и получить конкретные представления о его возможных парижских впечатлениях, не получивших по тем или иным причинам полного отражения в тексте «Писем». «Дневник» Вольцогена дает очень важную дату: «28 мая. Завтракал у Мошкова. Карам-